

Сверкнула вспышка, и на стену упала тень повешенного. Он висел в самом центре гостиной, на крюке от люстры, и по мере того как фотограф, кружа по комнате, делал снимки, тень перескакивала с картин на фарфор в застекленных витринах, с книжных полок на полураздвинутые портьеры. За огромными окнами лил дождь.

Молодой судебный следователь с еще не просохшими взъерошенными волосами, не сняв мокрого плаща, диктовал секретарю протокол осмотра. Тот печатал, сидя на диване и пристроив портативную машинку на стул. Стук клавиш крепкими стежками прошивал и монотонный голос следователя, и тихие комментарии полицейских, сновавших по гостиной.

— ...Пижама, сверху — халат. Пояс от халата явился орудием удушения. Руки трупа связаны спереди галстуком. На левой ноге тапка, правая — босая...

Следователь дотронулся до обутой ноги покойника, и тело, чуть колыхнувшись, начало медленно поворачиваться на туго натянутом шелковом шнуре слева направо, потом в обратную сторону, уже быстрее, пока не застыло в прежнем положении, — так магнитная стрелка, немного пометавшись, опять и опять упрямо указывает на север. Следователь отошел от покойника и при этом постарался не задеть полицейского в форме, который искал на полу

отпечатки пальцев. Прямо под повешенным валялись осколки разбитой вазы и лежала книга, открытая на странице с жирными красными пометками. Это был старый том «Виконта де Бражелона» — дешевое издание в матерчатом переплете. Заглянув через плечо агента, следователь сумел прочесть отчеркнутые строки:

- О, я предан! Известно все, решительно все!
- Все в конце концов делается известным, — заметил Портос, который, в сущности, ничего не знал.

Следователь велел секретарю занести эту деталь в протокол, а книгу включить в описание вещественных доказательств, затем направился к высокому мужчине, который курил у открытого окна.

— Ну и что вы обо всем этом думаете? — спросил он, пристраиваясь рядом.

Высокий был одет в кожаную куртку с полицейским значком на кармане. Он докурил сигарету, потом через плечо, не оглядываясь, швырнул окуроч в окно и только тогда ответил:

— Когда бутылка содержит нечто белое, легко предположить, что там молоко. — Фраза прозвучала несколько загадочно, но по ответной улыбке следователя можно было судить, что для него тут никакой загадки нет. В отличие от полицейского он стоял к окну лицом и смотрел на улицу, где продолжал лупить дождь. Кто-то открыл дверь в противоположном конце комнаты, и в лицо следователю вместе с порывом ветра полетели крупные капли.

— Эй, дверь закрывайте! — крикнул он, не глянув назад. Потом обратился к полицейскому: — Ведь бывает, что преступники маскируют убийства под самоубийства.

— И наоборот, — спокойно заметил высокий.

— Ну а руки? Зачем понадобилось связывать их галстуком?

— Самоубийцы порой боятся, что в последний миг им не хватит решимости довести дело до конца... Убийца связал бы ему руки за спиной.

— Но ведь это бессмысленно, — возразил следователь. — Взгляните, какой тонкий и прочный пояс. После того как несчастный потерял опору, у него не было шансов на спасение — руки ему не помогли бы.

— Кто знает? Подождем вскрытия.

Следователь еще раз посмотрел на труп. Агент, искавший отпечатки пальцев, поднялся с пола с книгой в руках.

— Любопытная страница.

Высокий пожал плечами.

— Я мало читаю, — сказал он. — Портос — это ведь один из этих... Как их? Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян. — Он считал, загибая пальцы левой руки большим пальцем правой. Потом задумался и добавил: — Забавно... Я никогда не мог понять, почему книга называется «Три мушкетера», хотя на самом деле их было четверо.

Глава 1

«АНЖУЙСКОЕ ВИНО»

Читатель должен подготовиться к тому, что он станет свидетелем самых жестоких сцен.

Э. Сю. Парижские тайны

Меня зовут Борис Балкан. Когда-то я перевел «Пармскую обитель». Кроме того, я пишу статьи и рецензии, которые знает пол-Европы, читаю лекции о современной литературе на летних университетских курсах и являюсь автором нескольких книг о популярных романах XIX века. Боюсь, правда, что ничего особо выдающегося я пока сделать не успел. Ведь нынче настали совсем иные времена: самоубийства маскируют под убийства, романы пишет врач Роджер Экرويد, и всякий норовит опубликовать сотню-другую страниц с описанием захватывающих впечатлений, которые он испытал, разглядывая себя в зеркало.

Но не станем отвлекаться.

Я познакомился с Лукасом Корсо, когда он явился ко мне с «Анжуйским вином» под мышкой. Корсо был своего рода наемным солдатом у генералов-библиофилов, то есть промышлял охотой за книгами по заказам клиентов. Что требуется от человека, который занимается таким ремеслом? Он не должен быть слишком разборчивым в средствах, зато ему нужны хорошо подвешенный язык, быстрая реакция, терпение и, разумеется, большое везение —

это в первую очередь. А также отличная память, чтобы вовремя сообразить, где, в каком пыльном закутке, в какой лавке старьевщика лежит томик, за который некто готов заплатить бешеные деньги. Корсо обслуживал узкий круг избранных клиентов: пару десятков букинистов из Милана, Парижа, Лондона, Барселоны и Лозанны — тех, что берут в работу всего полсотни книг, не более. Их можно назвать аристократами букинистического мира, ибо они торгуют инкунабулами, антикварными экземплярами и понимают: если книга переплетена в пергамен, а не в телячью кожу и поля у нее на три сантиметра шире обычного, это может поднять цену на тысячи долларов. Они — шакалы в царстве Гутенберга; пираньи, кружащие вокруг ярмарок антиквариата; пиявки, присосавшиеся к аукционам. Они способны продать собственную мать — лишь бы заполучить экземпляр первого издания; правда, клиентов они принимают в гостиных с видом на Домский собор или Боденское озеро и сидят при этом на кожаных диванах. И еще: они никогда не пачкают рук и не пятнают совести. На то существуют такие типы, как Корсо, которые ничем не брезгают. Тем они и полезны.

Корсо сдернул с плеча холщовую сумку и бросил на пол, к ногам, обутым в нечищенные английские ботинки; потом уставился на портрет Рафаэля Сабатини¹ — он стоит в рамке у меня на столе рядом с авторучкой, которой я правлю статьи и типографские гранки. Это мне сразу понравилось, потому что обычно посетители не балуют портрет вниманием: они принимают Сабатини за моего престарелого родственника. Краешком глаза я наблюдал за реакцией Корсо и заметил, как он ухмыльнулся, усаживаясь

---

¹ *Рафаэль Сабатини* (1875–1950) — английский писатель, автор почти сорока романов и множества рассказов. Наиболее известны романы «Скарамуш» (1920) и «Одиссея капитана Блада» (1922). — *Здесь и далее примеч. перев.*

в кресло; гримаса получилась какой-то ребячливой; он стал похож на кролика из мультфильма, когда тот впервые показывается в конце улицы и сразу завоевывает безоговорочную любовь зрителей.

Со временем я узнал, что Корсо умеет улыбаться и совсем иначе — как жестокий, изголодавшийся волк. Вернее сказать, умеет выбирать маску, соответствующую обстоятельствам. Но, повторяю, это я узнал много позже. А в тот миг он произвел на меня впечатление человека искреннего, и я рискнул подвергнуть его маленькому испытанию.

— «Он родился на свет с обостренным чувством смешного, — процитировал я, кивнув на портрет, — и врожденным ощущением того, что мир безумен...»¹

Я увидел, как он неспешно и уверенно качнул головой, и во мне проснулась симпатия к нему, чувство, что нас роднит принадлежность к общему делу. Чувство это, несмотря на все, что случилось в дальнейшем, я сохранил и до сих пор. Корсо достал откуда-то сигарету без фильтра, такую же мятую, как его старый плащ и вельветовые брюки. Он вертел сигарету в пальцах и рассматривал меня сквозь очки в железной оправе, которые косо сидели у него на носу, — глядел из-под упавшей на лоб пряди уже чуть седоватых волос. Другую руку он по-прежнему держал в кармане, словно сжимал там рукоятку пистолета. Замечу, кстати, что карманы его напоминали бездонные ямы — чего там только не было! Книжки, каталоги и документы, а еще — о чем я тоже узнал позднее — там непременно лежала фляжка с джином «Болс».

— «...И в этом заключалось все его достояние», — с ходу закончил он цитату, потом удобнее устроился в кресле

---

¹ Здесь и далее роман «Скарамуш» цитируется в переводе И. Н. Тихонова и Е. З. Фрадкиной.

и снова улыбнулся. — Хотя, если не кривить душой, мне больше нравится «Капитан Блад».

Я поднял вверх ручку, готовясь прочесть ему суровую отповедь.

— И тут вы не правы. «Скарамуш» для Сабатини — то же, что «Три мушкетера» для Дюма. — Я отвесил учтивый поклон в сторону портрета. — «Он родился на свет с обостренным чувством смешного...» За всю историю романов-фельетонов не было начальной фразы, равной этой.

— Что ж, спорить не стану, — согласился Корсо после паузы и тотчас выложил на стол папку с какой-то рукописью. Каждая ее страница помещалась в отдельном пластиковом конверте. — Знаете, а вы очень кстати упомянули Дюма.

Он пододвинул папку ко мне, но прежде повернул так, чтобы я мог ознакомиться с ее содержимым. Все листы были исписаны по-французски и только с одной стороны; бумага была двух видов: белая, уже пожелтевшая от времени, и бледно-голубая в мелкую клеточку — тоже очень старая. Каждому виду бумаги соответствовал свой тип почерка. На голубой писали черными чернилами. И вот что интересно: теми же чернилами и тем же почерком была сделана правка на белой бумаге — поверх текста, написанного мелкими, вытянутыми вверх буквами. Всего в папке лежало пятнадцать страниц, из них одиннадцать — голубые.

— Занятно. — Я поднял глаза на Корсо. Тот терпеливо переводил взгляд с меня на папку и с папки на меня. — Откуда это у вас?

Он потер переносицу, явно прикидывая, до какой степени та информация, ради которой он ко мне явился, обязывает его быть откровенным. Потом скорчил новую гримасу — уже третий вариант — и стал похож на невинного

и простодушного кролика. Да, Корсо, несомненно, был профессионалом.

— Да так... От клиента моего клиента.

— Понятно.

Он выжидательно помолчал. Ведь приметы хитрости — не только предусмотрительность и расчетливость, но и осторожность. Мы оба отлично это знали.

— Разумеется, — добавил он, — я готов, если вам будет угодно, назвать имена.

Я заверил его, что нужды в том нет, и он сразу успокоился, поправил очки и спросил мое мнение о манускрипте. Я не спешил с ответом и принялся перелистывать страницы в обратном порядке — пока не дошел до первой. Название было выведено заглавными буквами, жирное: «Анжуйское вино».

Я прочел вслух первые строки:

Après de nouvelles presque désespérées du roi, le bruit de sa convalescence commençait à se répandre dans le camp...¹

Я невольно улыбнулся. Корсо жестом показал, что хочет услышать мое суждение.

— Нет никаких сомнений, — сказал я. — Это рукопись Александра Дюма-отца. «Анжуйское вино», насколько могу припомнить, сорок какая-то глава «Трех мушкетеров».

— Сорок вторая, — подтвердил Корсо. — Сорок вторая глава.

— И это — оригинал? Подлинная рукопись Дюма?

— Ради этого я к вам и пришел — чтобы вы дали свое заключение.

Я пожал плечами, желая показать, что не готов взять на себя такую ответственность.

---

¹ После вестей о почти безнадежной болезни короля вскоре в лагере начали распространяться слухи о его выздоровлении... (фр.) Здесь и далее роман «Три мушкетера» цитируется в переводе В. Вальдман, Д. Лившиц и К. Ксаниной.

— А почему именно ко мне?

Это был глупый вопрос — из тех, что помогают тянуть время. Корсо, видно, подумал, будто я решил попокетничать. На лице его отразилось нетерпение.

— Вы ведь специалист, — буркнул он раздраженно. — Вы не только самый влиятельный в нашей стране литературный критик, вы всё знаете о романе-фельетоне XIX века.

— Вы забыли о Стендале.

— Не забыл. Я читал ваш перевод «Пармской обители».

— Надо же! Вы мне льстите.

— Боюсь, что нет. Мне больше нравится перевод Консуэло Бергес.

Мы обменялись улыбками. Он мне решительно нравился, и я уже начинал привыкать к его манерам.

— А книги мои вам знакомы?

— Только некоторые. «Люпен», «Раффлз», «Рокамболь», «Холмс»... Или, скажем, работы о Валье-Инклане, Барохе и Гальдосе¹. Кроме того, «Дюма, или След гиганта». Потом — ваше исследование, посвященное «Графу Монте-Кристо»...

— И вы все это прочитали?

— Нет. Я, конечно, работаю с книгами, но не обязан их читать.

Он лгал. Или, по крайней мере, сгущал краски. Он принадлежал к породе людей основательных и добросовест-

---

¹ *Арсен Люпен* — «вор-джентльмен», герой детективных сочинений французского писателя Мориса Леблана (1864–1941); *Раффлз* — персонаж, созданный английским писателем Эрнестом Уильямом Хорнунгом (1866–1921); *Рокамболь* — герой многотомного цикла романов французского писателя Пьера Алексиса Понсона дю Террайля (1829–1871); *Шерлок Холмс* — герой повестей английского писателя Артура Конан Дойла (1859–1930); *Рамон Мариядель Валье-Инклан* (1866–1936); *Пио Бароха-и-Неси* (1872–1956); *Бенито Перес Гальдос* (1843–1920) — испанские писатели-классики.

ных: прежде чем нанести визит, разузнал обо мне все, что мог, полистал все мои работы, которые сумел добыть. Он был из числа тех запойных читателей, что с самого нежного детства алчно проглатывают любой печатный текст. Правда, я до сих пор считаю маловероятным, что хоть в какой-то период детство Корсо заслуживало названия «нежное».

— Понимаю, — сказал я, только чтобы не молчать.

Он наморщил лоб, соображая, не забыл ли чего, потом снял очки, подышал на стекла и протер их мятым платком, извлеченным из бездонных карманов плаща. Упомяну, кстати, что его не по размеру большой плащ, кроличьи зубы и миролюбивое выражение лица создавали обманчивое впечатление слабости и безволия. На самом деле Корсо был крепок и упрям, как кирпич. Черты лица у него были тонкими и резкими, словно оно состояло из острых углов, а глаза смотрели очень внимательно, хотя начинали лучиться простодушием, как только Корсо угадывал, что собеседника можно подсесть именно на простодушии. Порой он выглядел даже неуклюжим и вялым — особенно когда позволял себе расслабиться. Есть такие беспомощные и бесприютные на вид существа: знакомые угощают их куревом, официанты наливают лишнюю рюмку, женщины горят желанием немедленно взять их под опеку. До окружающих слишком поздно доходит, что их одурачили. А лицемер уже во весь опор скачет прочь, добавив на рукоять своего кинжала новые победные зарубки.

— Вернемся к Дюма, — предложил Корсо, показывая на рукопись. — Человек, написавший про него пятьсот страниц, должен с ходу почувствовать знакомую ауру — такую способен источать только подлинник. Довольно прикоснуться к страницам... Не так ли?

Я положил руку на покрытые пластиком листы — жестом священника, касающегося церковных реликвий.

— Боюсь разочаровать вас, но я абсолютно ничего не чувствую.

Мы дружно расхохотались. Корсо смеялся особенно — сквозь зубы, как человек, не вполне уверенный в том, что они с собеседником смеются над одним и тем же. Иначе говоря, то был злой и холодный смех, даже чуть нагловатый: он надолго зависает в воздухе и рассеивается нередко лишь после того, как смеявшийся покинул комнату.

— Давайте по порядку, — сказал я. — Рукопись принадлежит вам?

— Повторяю, нет. Один мой клиент только что приобрел ее, и его мучает вопрос: как могло случиться, что до сей поры никто не слышал о существовании полного рукописного оригинала этой главы «Трех мушкетеров»? Он желает получить формальное подтверждение подлинности... И поручил это дело мне.

— Знаете, меня удивляет, что вы занялись такой мелочью. — Тут я должен добавить: я тоже кое-что знал о Корсо. — Откровенно говоря, Дюма в нынешние времена...

Я не договорил и горько улыбнулся, приглашая его разделить мои чувства, но Корсо мне подыгрывать не стал и продолжал гнуть свое.

— Этот клиент — мой друг, — пояснил он спокойно. — Я хочу оказать ему личную услугу.

— Понимаю, но не уверен, что смогу быть вам полезен. Я видел рукописи Дюма, и эта вполне похожа на подлинную, но дать официальное экспертное заключение — дело иное. Тут нужен хороший графолог... Готов порекомендовать одного такого, он живет в Париже: Ашиль Репленже, владелец книжной лавки, где продают автографы и исторические документы. Лавка расположена неподалеку от Сен-Жермен-де-Пре. Он отлично знает французскую историю XIX века, к тому же очаровательный человек и мой

добрый приятель. — Я указал на стену, где в рамке висел некий документ: — Вот это письмо Бальзака я купил у него несколько лет назад. Естественно, за огромные деньги.

Я взял в руки записную книжку, чтобы найти нужный адрес, и протянул Корсо визитную карточку. Он спрятал ее в видавший виды, плотно набитый бумажник, потом вытащил из кармана плаща блокнот и карандаш с ластиком на конце. Ластик был обкусан совсем как у школьника.

— Я могу задать вам несколько вопросов?

— Разумеется.

— Вы знали о существовании полной рукописи хоть одной из глав «Трех мушкетеров»?

Прежде чем ответить, я покачал головой, потом снял колпачок с ручки «Монблан» и опять надел его.

— Нет. Роман печатался частями в «Сьекль» с марта по июнь 1844 года... Как только наборщик заканчивал работу, рукописный вариант отправляли в мусорную корзину. И все же кое-какие фрагменты уцелели. Сведения о них вы можете найти в Приложении к изданию Гарнье¹ 1968 года.

— Четыре месяца — срок небольшой. — Корсо задумчиво грыз кончик карандаша. — Дюма писал быстро.

— В ту пору все писали быстро. Стендаль управился с «Пармской обителью» за семь недель. К тому же у Дюма были помощники — «негры», на профессиональном жаргоне. Того, кто работал с ним над «Тремя мушкетерами», звали Огюст Маке... Сотрудничество продолжалось и позже: «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон»... А также «Граф Монте-Кристо» и еще несколько романов... Их-то вы, конечно, читали.

---

¹ Французская издательская фирма «Братья Гарнье», основана в 1833 г. Огюстом (1812–1887) и Ипполитом (1815–1911) Гарнье. Большим авторитетом пользовалась серия «Классики Гарнье».

— Конечно. Кто их не читал!

— Следует уточнить: ваше «Кто их не читал!» относится ко временам минувшим. — Я почтительно полистал рукопись. — Та эпоха, когда подпись Дюма множила тиражи и обогащала издателей, канула в Лету. Почти все его романы печатались именно так — частями, и внизу последней страницы значилось: «Продолжение в следующем номере». А публика умирала от нетерпения, ожидая новую главу... Но зачем я это рассказываю? Вы же сами все знаете.

— Не важно. Продолжайте.

— Что еще добавить? Причина успеха традиционного романа с продолжением, иначе говоря — романа-фельетона, проста: герой или героиня обладают такими достоинствами и чертами характера, которые заставляют читателя отождествлять себя с литературным персонажем... Сегодня по тому же принципу строятся телесериалы. Но вообразите, какой эффект в былые времена, когда не знали ни радио, ни телевидения, производили подобные сочинения на обывателей, жадных до неожиданностей и развлечений и весьма нетребовательных в том, что касается художественного качества или хорошего вкуса... Гениальный Дюма все это понял и с хитроумием алхимика сотворил некий лабораторный продукт: капля того, крупица другого — плюс его талант. В итоге получился наркотик, создававший своего рода зависимость. — Я не без гордости ткнул себя пальцем в грудь. — И продолжающий ее создавать...

Корсо что-то записывал. Позднее один его знакомый скажет о нем при случае: такой же обидчивый, непредсказуемый и смертоносный, как черная мамба. У него была особая манера вести беседу — он глядел на тебя сквозь перекосенные очки и медленно кивал в знак согласия, хотя в кивках этих присутствовала и разумная доля здорового

сомнения. В такие моменты он напоминал потаскуху, которая снисходительно украшает свой монолог сонетом во славу Купидона. Он словно давал тебе возможность — пока не поздно — внести коррективы в твои выводы.

Некоторое время спустя он прекратил писать и поднял голову.

— Но ведь вы занимались не только популярными романами. Известны и другие ваши работы... — он помедлил, подыскивая нужное слово, — на более серьезные темы. Ведь и сам Дюма называл свои произведения легкой литературой... Хотя, согласитесь, в таком определении сквозит явное пренебрежение к публике.

Подобный маневр отлично характеризовал моего гостя. Это был один из его коронных приемов — как валет в руках Рокамболя. Он вел игру исподтишка, внешне сохранял нейтралитет, а на самом деле постоянно устраивал изматывающие противника партизанские вылазки. Раздраженный человек может легко проговориться, начинает оправдываться, сыпать аргументами в свою пользу, а это — дополнительная информация. Наверное, именно поэтому — я ведь не вчера родился на свет и тактику Корсо прекрасно понимал — мне стало досадно.

— Вы повторяете избитые вещи, — бросил я, не скрывая раздражения. — Да, в этом жанре было написано много однодневок, но Дюма тут ни при чем... Для литературы время — как для кораблей шторм, и Господь спасает только тех, кого любит; попробуйте назвать других книжных героев, которые, подобно д'Артаньяну и его товарищам, целыми и невредимыми прошли сквозь годы. Разве что Шерлок Холмс Конан Дойла... Да, цикл о мушкетерах, вне всякого сомнения, — «роман плаща и шпаги», легкое чтение; так что вы, естественно, обнаружите там все пороки жанра. Но есть и одно отличие: это великие авантюрные романы, книги особого уровня, и потому обычные жанровые

критерии к ним применять нельзя. Это рассказ о дружбе, о головокружительных приключениях, и он сохраняет свежесть, несмотря на то что вкусы с тех пор переменялись, несмотря на то что нынче к действию как таковому стали относиться с глупейшим пренебрежением. Кажется, после Джойса мы должны смириться с Молли Блум и забыть о Навсикае — на берегу, после бури...¹ Вам не доводилось читать мои заметки «Пятница, или Морской компас»?.. Короче, если вести речь об Улиссе, то я выбираю того, которого придумал Гомер.

Тут я чуть повысил голос, зорко следя за реакцией Корсо. Он едва заметно улыбался, но хранил молчание, не желая выдавать свои мысли. Но я-то помнил, какое выражение мелькнуло в его глазах, когда я процитировал «Скарамуша»: путь мною был выбран верный.

— Я понимаю, о чем вы, — наконец выдал он. — Ваша точка зрения, сеньор Балкан, хорошо известна, хотя и не бесспорна.

— Моя точка зрения известна, потому что я сам о том позаботился. А что касается пренебрежения к публике, как вы изволили выразиться, то вам, возможно, неизвестно, что автор «Трех мушкетеров» во время революций 1830 и 1848 годов участвовал в уличных боях, а еще переправлял Гарибальди купленное на собственные деньги оружие... Не забывайте, отец Дюма был известным генералом Республики... И писатель не раз доказывал свою любовь к народу и свободе.

— Хотя с историческими фактами он обращался куда как вольно.

---

¹ *Навсикая* — в греческой мифологии дочь царя феаков Алкиноя и Ареты. Крик Навсикаи, игравшей в мяч на берегу моря, разбудил Одиссея, который был выброшен бурей на остров феаков. Девушка велела слугам дать ему чистые одежды, накормить и напоить, а также объяснила, как достигнуть дворца Алкиноя и добиться от феаков помощи.